

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие валентности в языкознании стало разрабатываться сравнительно недавно. Впервые четко обосновал теорию синтаксической валентности в 1953 г. французский грамматист Л. Теньер в книге "Очерк структурального синтаксиса". Основанием для выделения понятия валентности послужило признание им особой организующей роли глагола (предиката) в структуре предложения. Поэтому трактовка сущности данной теории предполагает прежде всего синтаксическую валентность глагола, т.е. его способность управлять числом "участников", совершающих действие (подлежащее), испытывающих действие (дополнение), и "участников", в пользу которых или в ущерб которым совершается действие (косвенное дополнение). Синтаксическая валентность рассматривается как потенциальная сочетаемость глагола с подлежащим и дополнением (прямым и косвенным).

Дальнейшее развитие теория синтаксической валентности получила в работах немецких языковедов, расширив свое содержание прежде всего за счет включения всех необходимых по смыслу добавлений к глаголу, в первую очередь - структурно обязательных обстоятельств (Г. Бринкман, Л. Вейсгербер, Й. Эрбен, Г. Гельбиг, В. Инг). По мнению М.Д. Степановой¹, первый этап развития теории валентности в зарубежном языкознании характеризуется следующими общими чертами. Основная черта - рассмотрение глагола как центра предложения. Вторая - изучение количественной стороны валентности. (Выделение глаголов с нулевой валентностью, одновалентных, двухвалентных, трехвалентных). Третья черта - тенденция к морфологизации структуры предложения, т.е. определение валентности не сказуемого как члена предложения, а глагола как части речи. Соучастники ("участники", актаны, аргументы) глагола также называются в терминах частей речи.

За последние годы в зарубежных работах наметился поворот в сторону расширения понятия валентности в разных направлениях. Прежде всего началось изучение сочетательных способностей не только глаголов, но и других частей речи.

В советском языкознании термин "валентность" употребил

впервые С.д. Кацнельсон в 1948 г. со следующим содержанием: "Свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью". Вопросам теории валентности на материале разных языков посвящены работы советских языковедов Б.н. Абрамова, М.д. Апресяна, В.В. Бурлакова, С.д. Кацнельсона, О.И. Москальской, Г.Г. Сильниченко, М.д. Степановой. В работах С.М. Кибардиной⁴, Н.И. Филичевой⁵ произведен обстоятельный анализ истории изучения валентности в трудах зарубежных и советских исследователей и намечен ряд новых вопросов. К числу последних работ как по проблеме валентности, так и разграничению понятий синтаксической валентности и синтаксической сочетаемости относятся работы А.Ф. Лосева⁶ (1963), А.Л. Зеленецкого, П.Ф. Монахова (1983)⁷, М.Н. Лебедевой⁸ (1984), Т.М. Дорофеевой⁹ (1986), А.М. Мухина¹⁰ (1986).

С.М. Кибардина⁹ выделяет следующий круг наиболее существенных и спорных проблем теории валентности:

1) определение валентности, ее сущность, уровни валентности, их определение и разграничение;

2) соотношение значения слова и его валентности;

3) критерии определения партнеров "носителя валентности" (актантов, аргументов, "участников"), какие члены предложения (части речи) являются ими, а какие нет, и как это разграничение соотносится с традиционной классификацией членов предложения;

4) разграничение обязательной и факультативной валентности, условия реализации валентности;

5) выделение типов валентности, методика описания валентности;

6) связь валентного анализа с другими методами исследования - компонентным, трансформационным, количественным анализами и другими методами.

В работах советских лингвистов термин "валентность" употребляется в широком смысле, обозначая способность не только разных частей речи, но и различных других элементов языка вступать в связь в силу своей валентной заряженности с определенными однородными единицами языка для образования более или менее обширных цельностей. Понятие валентности трактуется в исследованиях как способность единицы языка вступать в соединение с

другими единицами языка. Хотя в настоящее время и говорят о языковой валентности в отношении разных уровней жизни языка, все же в основном рассматривают ее как синтаксическое явление. В ряде работ производится разграничение синтаксической сочетаемости и синтаксической валентности.

В работе М.Д. Степановой при разъяснении понятия "валентность" подчеркивается, что "наиболее близким по значению термином является "сочетаемость" при учете известной диффузности и этого термина"¹⁰. Т.М. Дорофеева, также усматривая близость понятий "сочетаемость" и "валентность", считает необходимым различать их. По ее мнению, "сочетаемость слова - это совокупность его синтагматических потенций..."¹¹ "При таком понимании синтаксической сочетаемости речь идет именно о сочетаемости, то есть о свойстве данного слова...; имеется в виду сочетаемость именно слова, то есть единицы, заданной в понятиях лексикологии (а не синтаксиса или морфологии), сочетаемость отдельного слова, а не какого-либо грамматического разряда слов, семантической группы..., набор связей при одном слове, то есть именно парадигма синтаксических связей; имеются в виду лишь связанные с данным словом компоненты синтаксического ряда, то есть именно распространители, ... условия их реализации, их свойства, их организация в линейном и парадигматическом рядах"¹².

При изучении же валентностей глагола, отмечает Т.М. Дорофеева, "рассматриваются его дистрибутивные свойства как предиката, то есть изучаются и "левые" - субъектные и "правые" - объектные и обстоятельственные валентности"¹³.

Осмысление принципа валентности в современном советском языкознании, на наш взгляд, наиболее емко, выразительно представлено в работе А.Ф. Лосева, который считает, что "формулирование принципа валентности продиктовано желанием лингвистов понимать язык как органическое целое, ... каждый языковой элемент которого существует не изолированно, не единично, но как бы в виде заряженности разными своими возможными связями с другими языковыми элементами. Принцип валентности языкового знака - это чрезвычайно важный принцип, безусловно, относящийся к самой специфике языка, понимаемого строго динамически. Каждое слово, каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков,

составляющих подлинную специфику языка, и только здесь неподвижное "основное" значение слова становится живой динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке. Языковая валентность есть...вообще не естественно научная валентность, но валентность чисто смысловая"¹⁴.

Валентность связана с понятием, им выражаемым, и имеет поэтому логический характер. В лингвистической литературе различают три вида валентности: логическую, лексико-семантическую и синтаксическую, — тесно взаимосвязанных между собой. логическая валентность определяет отношения между понятиями, отражающими внеязыковые явления. лексико-семантической валентностью называют сочетаемость слова со словами определенной семантики. Специфически лексическая сочетаемость отражается в словарях, и без ее учета часто нельзя понять значения лексем. Количественные параметры лексико-семантической валентности у семантически сопоставимых слов разных языков часто не совпадают. Диапазон слов, с которыми могут сочетаться бурятский глагол ябах и русский глагол идти, расходится в количественном отношении вследствие различий в их семантических объемах: түмэр харгыгаар ябах — ездить по железной дороге, ой-гоор ябах — идти по лесу, мүлхижэ ябах — ползти.

Синтаксическая валентность зависит от семантики слова и тесно связана с реализацией логических отношений. Грамматическая корректность фразы, и потому коммуникативная правильность высказывания, регулируется содержанием синтаксических категорий. Синтаксическая валентность определяет способность слова к синтаксическому распространению на уровне словосочетаний и предложений.

В монголоведении вопрос о языковой валентности еще не подвергался исследованию. Косвенную связь с проблемой валентности в каком-либо из ее аспектов можно установить в работах лингвистов в связи с изучением в монгольских языках синтаксических категорий и функционирования некоторых фонетических единиц, морфологических категорий. Соприкосновение с проблемой синтаксической валентности в работах монголистов в основном происходит в связи с изучением следующих вопросов: 1) связи слов в словосочетании и предложении; 2) функционирования падежей имен существительных и выявления их значений; 3) установления соотношения падежных форм и послеложных конструк-

ций в монгольских и русском языках. Термин "валентность" в современном его понимании употребил В.А. Кузьменков¹⁵, который на основе валентности произвел семантико-синтаксическую классификацию глаголов монгольского языка. Глаголы движения выделены в данной работе в один подкласс, в первую очередь, по семантическим признакам. Все эти глаголы различной валентности.

По мнению С.М. Кибардиной, "валентностная типология глаголов еще мало разработана... Поэтому первоочередная задача валентностной типологии состоит в описании валентности конкретных значений и их классификации"¹⁶.

Задача данной статьи - произвести практический анализ синтаксической валентности лексико-семантической группы глаголов движения бурятского и русского языков. При решении этой практической цели мы опирались на теорию синтаксической валентности, изложенную С.М. Кибардиной¹⁷, разграничивающей вслед за С.Д. Кацнельсоном содержательную и формальную валентность. В работах по изучению синтаксической валентности употребляются синонимичные термины "актанты", "аргументы", "участники" для обозначения слов, вступающих в соединение с глаголом и образующих с ним различные отношения. Семантические отношения, возникающие в силу валентной заряженности глагола между ним и актантом, относятся к плану содержания, морфологическая форма актантов глагола, образуя план выражения, представляет формальную валентность.

Валентность глаголов движения, имеющих многочисленные переносные смысловые оттенки значений, подвижна и трудно исчислима. Глаголы движения имеют особенно динамичную заряженность в речевом употреблении. Эта заряженность выражается в разнообразных сочетаниях глаголов, отражающих процесс их динамического функционирования. Синтаксические единицы, приведенные в данной статье, фиксируют валентные связи глаголов движения бурятского и русского языков в их основных значениях.

Поскольку обозначение движения логически связано с перемещением в пространстве, типичной для исследуемых глаголов движения является реализация синтаксической валентности, связанной с выражением пространственных отношений. Актанты глаголов движения бурятского и русского языков при реализации логико-семантической валентности, связанной с обозначением

пространственной семантики, конкретизируют разные отношения: 1) место движущегося предмета в пространстве относительно предметов, находящихся в статике; 2) направление движения предмета в пространстве относительно окружающих статичных предметов. Глаголы движения сопоставляемых языков, имеющие как одинаковую, так и различную лексико-семантическую валентность при обозначении одних и тех же пространственных отношений по-разному оформляют актанты в соответствии с особенностями выражения морфолого-синтаксических значений в языке. Это касается проблемы формы и содержания, являющейся центральной в синтаксисе и приобретающей особое значение при сопоставительном изучении неродственных языков. Глаголы движения бурятского и русского языков входят в синтаксическую связь с лексемами (актантами) одних и тех же частей речи. Расхождения обнаруживаются в синтаксических функциях падежей имен существительных, выступающих в роли актантов, оформлении синтаксических связей между глаголом и актантами, позиции по отношению к глаголу.

Пространственные значения в монгольских языках выражаются сочетанием глаголов движения с формами косвенных падежей, а также конструкциями с послелогоми, наречиями, выступающими в качестве актантов глаголов движения. В русском языке выражение пространственных отношений уточняется синтаксическим соединением глаголов движения как с беспредложными и предложными именами существительными, так и наречиями. Причем наиболее продуктивными и разнообразными являются выражения пространственных отношений в конструкциях с предлогами.

Глаголы движения бурятского языка в соединении с разными падежными формами имен существительных и послеложными конструкциями (актантами) обозначают место движущегося предмета в пространстве с указанием различных уточнений.

I. I. С существительными в орудном падеже, уточняющими место, пространство, по которому направляется движение. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в творительном падеже без предлога и дательном падеже с предлогом по: уйлсөөр ябаа - шел улицей, шел по улице; ойгоор ябаа - ехал лесом, ехал по лесу; харгыгаар ябаа ябана - идет дорогой, идет по дороге.

Глаголы движения в бурятском и русском языках входят в

сочетания с существительными, одним из признаков которых является протяженность в пространстве. Причем в русском языке глагол движения с существительным в дательном падеже с предлогом по называет движение, совершаемое по поверхности какого-либо предмета. В бурятском языке в большинстве случаев данные оттенки значений не различаются и выражаются вышеприведенными формами. Некоторые русские предложные сочетания имен существительных в дательном падеже передаются послеложными конструкциями в бурятском языке: пройти по мосту - хуургэ дээгуур (или хуургээр) гараха; тренируя Сиротку, Доржи каждый вечер и утро скакал по степной дороге, поднимая пыль - Доржо удэшэ үглөө бури үнэшөөдэйе һорижо, талын харгыгаар тооһо худэлгэн гүйлгэдэг (Цыд., с. 23).

I.2. С послеложными конструкциями, обозначающими место совершения движения. (Послелоги: хажуугаар - около; хажууда - около; дунда - среди; хойно - за, сзади; газаа - вне, снаружи, около; захада - на краю; дээрэ - в, на, наверху, наверх; дундуур - посередине; саана - за; саагуур - за, подальше; хоорондо - между). В русском языке им соответствуют глаголы движения в сочетании с существительными в разных падежах с пространственными предлогами: гэрэй хажуугаар ябах - ходить около дома; хүтэлэй саагуур ябах - ходить за косогором; галай хажуугаар ниидэхэ - летать около огня; оин дундуур гүйхэ - бегать среди леса.

I.3. С послеложными конструкциями, обозначающими пространство, преодолеваемое в результате или в процессе движения. (Послелоги: хүндэлэн, ходоро - через). В русском языке эти значения передаются сочетанием глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом через: үйлсэ хүндэлэн гараха - перейти через улицу; ой ходоро гараха - пройти через лес.

I.4. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, ниже которого или внизу которого, под покровом которого происходит движение (послелоги: дору, доогуур - под), а также предмет, сверху, поверх которого производится движение (послелоги: дээрэ, дээгуур - по, на, над). В русском языке им соответствуют сочетания с существительными в творительном, дательном падежах с эквивалентными послелогам предлогами: сонхо доогуур гүйхэ - бегать под окном; үүлэн дээгуур ниидэнэ - летит над

облаками; хуургэ дээгүүр гараха - проехать по мосту.

1.5. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, впереди, напротив которого совершается движение. (Послелог: урда, урдуур - перед). В русском языке им соответствует сочетание глагола движения с существительным в творительном падеже с предлогом перед: полкнундай урдуур гуйжэ гараа - промчался пред полками; минии урдуур гуйжэ гараа - пробежал передо мной.

1.6. С послеложными конструкциями (послелог соогуур), уточняющими определенное место, внутри которого осуществляется движение. В русском языке передается сочетанием глаголов движения с существительным с предлогами по, через, сквозь, в: коридор соогуур ябаад, газар гарашаба - пройдя по коридору, он вышел на улицу; сад соогур ябана - ходит по саду; саан соогур гуйжэ байна - бегаёт по снегу.

Обозначение направления движения, специфически выраженное в лексико-семантическом значении бурятских и русских глаголов движения, занимает особое место при выражении синтаксическими средствами. Глаголы движения обоих языков по-разному дополнительно уточняют направленность перемещения. Бурятские глаголы движения входят в соединение чаще всего с различными послеложными конструкциями.

1.1. С послеложными конструкциями, обозначающими место, откуда исходит движение (послелог: саанаһаа, сооһоо, тээһээ). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения и существительных в родительном падеже с предлогами из-за, из, от: гэрэй саанаһаа гараха - выйти из-за дома; хадын саанаһаа гараха - выйти из-за горы; амбар тээһээ ерэбэ - идет от амбара (со стороны амбара); баабгай эшээн сооһоон гараба - медведь вышел из берлоги.

Послелогом дороһоо обозначается движение, исходящее из-под нижней части предмета. В русском языке данному послелогу соответствует предлог из-под: газар дороһоо гараба гу? - что, из-под земли вышел?; һарабша дороһоо гараха - выйти из-под навеса.

Этой группе близки сочетания, в которых имя существительное называет работу, занятие как исходный пункт движения: хүдэлмэринөө ерэхэ - придти с работы; агнууринаа ерэхэ - придти с охоты.

1.2. С существительными в исходном падеже и послеложными

конструкциями (послелог уруу), обозначающими предмет, с которого движение совершается вниз. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения и существительных в родительном падеже с предлогом с, дательном падеже с предлогом по: хадаана гуйжэ бууха - сбежать с горы; гэшхуур уруу бууха - сойти с лестницы; зрье уруу гуйбэ - убежал вниз по берегу.

Существительные с послелогом уруу при глаголе движения могут обозначать направление движения внутрь предмета, что соответствует русским предложным сочетаниям существительных с предлогом в: уна уруу орохо - входить в воду; бургаана уруу тэрелхэ - убегать в кусты; ой тайга уруу гуйлдэшээн байба - оказалось, что они убежали в лес.

С послеложными конструкциями (послелог уруу) и существительными в дательном падеже, значение которых связано с представлением о пространстве, пределах, внутрь которых направлено движение. На русский язык они передаются с помощью сочетаний глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом в: гэртэ орохо - войти в дом; Сибирь ошохо - поехать в Сибирь; деревни ошохо - ехать в деревню; хабшал уруу орохо - въехать в ущелье.

2.3. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, по направлению или вслед которому движение совершается. (Послелог: урдаана, хойноо). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в дательном и творительном падежах с предлогами навстречу, вслед: пароходой урдаана тамарха - плыть навстречу пароходу; тэрээнэйнгээ хойноо гуйлдэсөө - побежали вслед за ним; нүхэрэйнгөө урдаана ошохо - пойти навстречу товарищу; налхинай урдаана ябаха - идти против (навстречу) ветра; тэрэ урдаанаамнай гараба - он вышел к нам навстречу.

2.4. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, к которому движение направлено. (Послелог: тээшэ, тушаа). В русском языке это значение передается сочетанием глагола движения с существительными в дательном падеже с предлогами по направлению к, к или с предложными сочетаниями в сторону, в направлении, а также с предлогами на, в с винительным падежом: город тээшэ ябаа - пошел по направлению к городу; центр тээшэ ябаа - поехал в центр, поехали по направлению к центру; тэрэ гэр ту-

шаа ошогты - идите в сторону того дома; энээн тушаа ошогты - идите в этом направлении; уьанай заха тээшэ ошохо - идти к берегу (на берег).

2.5. С послеложными конструкциями, обозначающими направленность движения на поверхность предмета (послелог дээрэ). В русском языке данному значению соответствуют глаголы движения в сочетании с существительными в винительном падеже с предлогом на: гэрэй орой дээрэ гараха - взобраться (залезть) на крышу дома.

Разновидностью данного типа валентности является сочетание глаголов движения с послеложными конструкциями (послелог тээшэ), обозначающими ориентир движения: дуун тээшэ ябаха - идти (двигаться) на голос; туудэг тээшэ ябаха - ехать на костер; гал тээшэ ябаха - идти на огонек.

2.6. С послеложными конструкциями (послелог өөдэ), обозначающими направленность движения вверх по предмету или против чего-то. В русском языке передается соответствующими эквивалентными сочетаниями глаголов движения с предложными существительными (предлоги по - с дательным падежом, на - с винительным, против - с родительным: гол өөдэ үгсэхэ - подниматься вверх по реке; гэшүүр өөдэ гараха - подниматься по лестнице; модо өөдэ абирха - взбираться на дерево; урадхал өөдэ тамарха - плыть против течения; ьалхи өөдэ ябаха - идти против ветра).

2.7. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, ниже которого или к нижней части которого движение направлено (послелоги: доро, уруу). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом под: ьарабша доро орохо - войти под навес; хада уруу бууха - спуститься под гору.

2.8. С существительными в дательном падеже или с послеложными конструкциями (послелог соо), обозначающими место направления движения куда-либо в помещение. На русский язык передаются сочетанием глаголов движения с существительными в предложном и винительном падежах с предлогом в: ьургуулида ошохо - идти в школу; абгай амбар соо оробо - старшая сестра зашла в амбар.

2.9. С существительными в орудном падеже, называющими одежду, предметы убранства, составляющими особую группу. Тожественные значения употребительны и в русском языке: сбахьар

ябаха - ходить в сапогах; калошоор орохо - войти в калошах;
дэгэлээр гараа - вышел в шубе.

2.10. Как с послеложными конструкциями (послелог соо), так и с существительными в орудном падеже, обозначающими средство передвижения. Хотя образуемые сочетания синонимичны по выражаемому значению, однако в конструкциях с послелогом соо в известной степени выражается то, что передвигающийся находится внутри вагона, самолета: трамвай соо ябаха - трамваяар ябаха; самолет соо ниидэхэ - самоледоор ниидэхэ; машина соо ябаха - машинаар ябаха.

В подобных сочетаниях актанты глаголов движения являются основными оформителями способа движения в бурятском языке. В русском языке данные сочетания соответственно передаются: ехать в трамвае - ехать на трамвае; лететь в самолете - лететь на самолете; ехать в машине - ехать на машине.

Предложные сочетания при глаголах движения в русском языке являются не основным, а дополнительным средством оформления семантики способа перемещения. Они используются лишь для уточнения средства передвижения (транспорта).

Р.Х. Харташкина считает, что под влиянием моделей русского языка "глагол движения + предлог в или на + существительное в предложном падеже" в бурятском языке стали использоваться сочетания: самолед-то нуугаад гарыш - на самолете - сев - выездной - вместо самоледоор гарыш - выездной самолетом; поездоо нуугаад ерээ - на поезде - сев - прибыл - вместо поездоор ерээ - поездом прибыл¹⁸.

Аналогичное явление происходит в тюркских языках¹⁹.

2.11. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, в стороне от которого совершается движение (послелог тээгүүр). В русском языке передается обычно употреблением существительного "сторона" в падежной форме: мориной баруун (зүүн) тээгүүр ябаха - идти по правую (левую) сторону лошади; харгын хоёр тээгүүр гуйлдэнэ - бегут по обеим сторонам дороги.

2.12. Глаголы движения в бурятском языке, сочетаясь с послеложными конструкциями (послелог: хурэтэр, болотор), обозначают перемещение, лицо или предмет, у которого заканчивается действие, т.е. выражается его предел. На русский язык данные значения передаются сочетанием глаголов движения с существительными в родительном падеже с предлогом до: гэртэ хурэтэр

гуйжэ ошоо - добежал до дома; танда хурэтэр ябаха - дойти до вас.

2.13. для выражения пространственной семантики в бурятском и русском языках широко используются также сочетания глаголов движения с обстоятельственными наречиями, которые можно разделить по значениям на две группы. К первой группе относятся сочетания глаголов движения с наречиями, называющими место движения (эндэ - здесь, тут; тэндэ - там, туда; эндэ тэндэ (парн.) - там и сям; урда - впереди; наана - вблизи, ближе чего-то; саана - вдали, дальше чего-либо; холо - вдали, вдалеке); эндэ гуйжэ байна - здесь бегаёт; урдаа тууха - гнать перед собой.

2.14. Ко второй группе относятся сочетания глаголов движения с наречиями, называющими направление движения: а) общее направление (урагшаа - вперед; ньэргөө, гэдэргээ, хойшо - назад; буруу тээшэ - назад, в противоположную сторону; зүүгшээ - налево, влево; хойшо - на север, к северу; баруугшаа, баруун тээшээ - направо, вправо, на запад; наашаа - сюда; дээшээ - вверх, наверх; өөдөө - вверх, кверху; доошоо - вниз; дору - внизу; уруугша - книзу, вниз; саашаа - дальше, далее, подальше; тиишээ - туда); б) исходный пункт направления (эндэһээ - отсюда; тэндэһээ - оттуда; хаа хаанаһаа, хаана яанаһаа - отовсюду; холоһоо - издалека, издали; досооһоо - изнутри; дээрэһээ - сверху; доруһоо - снизу; эндэ тэндэһээ, олон тээһээ - отовсюду; хойноһоо - с севера; зүүн тээһээ - с востока, слева; баруун тээһээ - справа, с запада; нүгөө тээһээ - с другой стороны); урагшаа ябаха - идти вперед; дээшээ гараха - взобратся наверх; тиишээ ошогты - идите туда; досооһоо гараха - выйти изнутри; эндэ тэндэһээ ерэз - приехали отовсюду; саашаа ошогты - идите дальше.

Бурятским сочетаниям с наречиями соответствуют эквивалентные русские сочетания глаголов движения с наречиями, имеющими тождественные значения.

Выражение пространственных отношений относится к разряду содержательной валентности глаголов движения. Валентные свойства глаголов данной группы регламентируют синтаксическое распространение их именами и наречиями пространственной семантики. Причем связь имен существительных с глаголами движения осуществляется как с помощью аффиксов: суффиксов в бурятском языке,

окончаний (флексий) в русском языке, так и с помощью послелогов и предлогов, тоже имеющих пространственное значение. В обоих языках пространственная семантика глаголов движения уточняется, конкретизируется такими частями речи, как имя существительное, наречие, и служебными словами - послелогом (в бурятском языке) и предлогом (в русском языке), образуя в соответствии с агглютинативным и флективным типами языков синтаксические модели, иллюстрирующие валентность глаголов.

Неразрывно связано с понятием движения понятие времени. логический характер связи между ними воплощается в языковых единицах, обозначающих всякое движение, осуществляющееся во времени. К числу содержательной валентности глаголов движения относится выражение синтаксическими средствами темпоральных отношений. Бурятские и русские глаголы движения образуют темпоральные отношения с именами существительными, послеложными и предложными конструкциями, наречиями, обозначающими временную семантику при реализации валентности в синтаксических единицах. При синтаксическом распространении глаголов движения при уточнении временных параметров образуются следующие темпоральные значения.

3.1. Предшествующее указанному времени движение. При соединении с существительными в форме орудного падежа со значением времени. В русском языке соответственно передается сочетанием глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом под или существительными в творительном падеже: удэшээр ерэхэ - приехать под вечер, приехать вечером.

данное значение может быть выражено также сочетанием глаголов движения с послеложными конструкциями, обозначающими временной отрезок или явление, факт, до наступления которого движение совершилось. (Послелоги: урид, урда, урдуур). В русском языке передается глагольным сочетанием с существительными в творительном падеже с предлогом перед и родительном падеже с предлогом до: хабар болохын урдуур ерээ - приехал до начала весны; убьэндөө орохынгоо урда ошоо - ушел перед началом сенокоса; хонхооо урид ерэхэ - прийти до звонка.

3.2. Время, начальный момент, с которого совершается движение. выражается сочетанием глагола движения с существительным в исходном падеже, иногда с послелогом хоишо, называю-

щем временные понятия (үдэр - день, нара - месяц, жэл - год). В русском языке им соответствует сочетание глагола движения с существительным в родительном падеже с предлогом с: үглөөнөө ябаа - ушел с утра; хабарнаа эхилжэ энэ самолетто нийдэнэ - начиная с весны летает на этом самолете; вторниктоо хойшо яба-на - ходит со вторника.

Часто употребляются подобные сочетания с послеложными конструкциями (послелог: хурэтэр, болотор), указывающими предел, время окончания движения, соответствующие в русском языке предложным сочетаниям с предлогом до: үглөөнөө эхилээд ьуни болотор гуйжэ - бегать с утра до ночи.

3.3. Глагол движения может присоединять существительное, обозначающее наступление определенного периода времени, а также входить в связь с сочетанием числительного в именительном падеже и зависящей от него формы дательного падежа существительного. В русском языке данное значение передается эквивалентным сочетанием глагола движения с субстантивированным порядковым числительным в форме родительного падежа и зависящей от него формы родительного падежа существительного. Круг имен существительных в сочетаниях второго типа ограничен названиями месяцев или каких-либо временных отрезков: зунай найхан саг ерэбэ - наступило прекрасное летнее время; ябаха саг ерээ - настало время ехать; убьэ сабшалгын ые ерэбэ - наступила пора сенокоса.

Глаголы движения в соединении с послеложными конструкциями (послелог хамта), обозначающими наступление времени, одновременно с которым фиксируется данное движение. В русском языке передается употреблением лексем с временными признаками как только, наряду с, одновременно с: харанхы болохотой хамта гараа - вышел одновременно с наступлением темноты; гэрьээ гарахатайн хамта бороо ороо - как только он вышел из дома, пошел дождь.

3.4. Совершение движения в определенные временные отрезки, иногда с указанием его пределов. Выражаются данные значения сочетанием глаголов движения с существительными в различных падежных формах и послеложными конструкциями с временной семантикой.

1. Глагол движения в сочетании с послеложной конструкцией, обозначающей продолжительность совершения движения (послелог:

соо, соогоо). В русском языке передается существительными с предлогами в, в течение, в продолжение, за, на, на протяжении в сочетании с глаголами движения: нэгэ минута соо ороод ерэхэб - зайду на одну минуту; наһан соогоо ехээ ябааб, үзөөб - в течение своей жизни много ходил, видел.

2. Глаголы движения в сочетании с послеложными конструкциями (послелог: дунда, хоорондо, зуура), указывающими отрезок времени, в который совершается движение. На русский язык передаются сочетанием глаголов движения с предложными существительными и употреблением предлогов между, в, на, во время с существительными: убэл дунда хул нүстөөр газаа гүйжэ гарагша нэн - он имел обыкновение среди зимы выходить на улицу босиком; нүдэ сабшаха зуура гүйжэ арилшоо - убежал быстро.

3. Бурятский глагол движения в сочетании с существительным в именительном падеже, обозначающим какой-либо временной отрезок, передается в русском языке сочетанием глагола движения с существительным в творительном падеже: намар ябаа - уехал осенью.

К данному типу сочетаний относятся лексически ограниченные случаи, когда временная характеристика действия обозначается не существительным с временным значением, а одушевленным существительным, употребленным для обозначения возрастного периода жизни или времени пребывания в том или ином звании, состоянии: багаар ябаа - уехал ребенком; залуу наһатайда ябаа - уехал в молодом возрасте. В русском языке передаются эквивалентными сочетаниями.

4. Глагол движения в сочетании с существительными, обозначающими временные отрезки (үглөө - утро, үдэр - день, жэл - год), обычно употребляемыми с прилагательными нүгөө, хойто - следующий, другой, будущий, завтрашний: хойто удэрьнь ошохо - пойти на следующий день; хойто жэлдэ ерэхэ - приехать на будущий год; нүгөө удэрьнь гүйхэ - бежать на другой день.

На русский язык передаются данные сочетания тождественным глаголом движения в сочетании с существительным в винительном падеже с предлогом на.

5. Сочетания глаголов движения с существительными, называющими временное понятие или явление, связанное с определенным отрезком времени, соответствуют в русском языке сочетаниям глаголов движения с существительными в предложном падеже с пред

логом в: бага нагатайдаа ниидээбди - летали в детстве.

В других значениях может быть передано в русском языке сочетанием глаголов движения с существительными в предложном падеже с предлогами на, в: жэл дээрээ ябаа - начал ходить на первом году жизни; энэ һарада ошообди - ходили в этом месяце.

3.5. Глаголы движения в бурятском языке могут сочетаться с послеложными конструкциями, обозначающими временные понятия, являющиеся выражением предела, времени окончания движения (уур сайлга - заря, углөө - утро, үдэшэ - вечер, һуни - ночь, үдэрэй эдээн - обед, һайндэр - праздник, үхэл - смерть): һуни болотор ябаха - ходить до ночи. В русском языке передаются сочетанием глагола движения с существительным с предлогом до.

3.6. Глаголы движения в сочетании с существительными в различных падежах и послеложными конструкциями, называющими какие-либо временные отрезки, могут обозначать повторяющееся движение, осуществляемое в указанные временные периоды. В русском языке тождественные значения передаются предложными сочетаниями: үглөөгуур ябадаг - ходит по утрам.

При именах существительных саг - час, үдэр - день, һуни - ночь в подобных сочетаниях часто вводится в бурятском языке лексема - уточнитель бүхэли, в русском языке - целый: бүхэли үдэртөө (үдэр соо) гүйхэ - бегать целый день; бүхэли хахад жэл соо ябаха - ездить целых полгода; бүхэли наһан соо ябаха - ходить в течение всей жизни; бүхэли суудхэ тамарха - плыть целые сутки.

3.7. Глаголы движения в бурятском языке входят в сочетание с послеложными конструкциями (послелогои: болоод, үнгэрөөд хойно), обозначающими временной отрезок, по прошествии которого движение совершится. В русском языке им соответствует глагол движения с существительным в винительном падеже с предлогом через, в родительном падеже с предлогом после, а также с предлогом по истечении: час болоод ерэхэб - приду через час; һара болоһон хойно ошоһом - дойду по истечении месяца.

Сочетание глагола движения с послеложной конструкцией может обозначать промежутки времени, по истечении которых движение повторяется: һара болоод лэ ерэхэ - приходить через месяц.

3.8. Валентная заряженность глаголов движения распростра-

няется на обстоятельственные наречия и послеложные конструкции, имеющие обстоятельственное временное значение. При этом образуются темпоральные отношения: 1) обозначающие движение и время его совершения (с наречиями ходо, хододоо - всегда; заримдаа, заримандаа - иногда; мунөөдэр - сегодня; маргааша, углөөдэр - завтра; гэрэлтэйдэ - засветло; хүниндөө - ночью; үбэлдөө - зимой; зуура - по пути, в пути, по дороге; тургэн дунда - быстро, спешно; яарал дунда - второпях; гүйдэл дунда - на бегу; намар дунда - среди осени; нийдэн дунда - на лету); 2) обозначающие движение и начальный момент или период его совершения (с наречиями и послеложными конструкциями урданһаа, унинһөө, унинһөө хойшо, хэб хэзээнһээ - издавна, исстари, с давних пор; тугаарһаа хойшо - с недавнего времени; үсэгэлдэрһөө хойшо - со вчерашнего дня; эндэһээ хойшо - отныне, впредь, с этих пор; турэһөөр - отроду; залууһаан, залуу наһанһаан - смолоду; туруун, уртаад - сначала; бага наһанһаан, хара багаһаан - сьзмала): хододоо ошодог - всегда ходит; би танайда зуураа ороод гараа һэм - я заезжал к вам по пути; углөөдэр ерэхэ - завтра приедет.

При реализации синтаксической валентности глаголов движения бурятского и русского языков с лексемами, обозначающими временные понятия, выражаются следующие темпоральные значения:

- 1) предшествующее указанному времени движение;
- 2) начальный момент совершения движения;
- 3) определенный период наступления времени движения;
- 4) время совершения движения, не ограниченное пределом;
- 5) определенный отрезок времени совершения движения, ограниченный пределом (от - до);
- 6) повторяющееся время от времени движение;
- 7) последующее указанному времени движение.

Одни и те же послелоги могут употребляться как для выражения синтаксическим способом пространственных отношений, так и для выражения временных отношений. Послелоги в бурятском языке многофункциональны, полисемантически. В этом отношении они сопоставимы с многозначными предлогами русского языка.

Среди синтаксических функций существительных выделяются субъектно-объектные (функции субъекта, прямого и косвенного объектов) и обстоятельственные. Разграничение функций происходит по их отношению к содержательной валентности предиката.

Субъект, объект, обстоятельство - это содержательные грамматические категории, складывающиеся из мыслительных (семантико-синтаксических) и коммуникативных элементов. "Субъект и объект при таком подходе объединяются в категории аргумента - "дополнения" в широком смысле слова - и противопоставляются обстоятельству"²⁰, - пишет С.М. Кибардина.

Как считает С.М. Кибардина, "привлечение к разграничению членов предложения валентности предиката позволяет ... уточнить определение субъекта предложения..."²¹ Семантико-синтаксическая валентность глаголов движения, употребленных в качестве предиката, предполагает обозначение перемещения в пространстве субъекта, т.е. требуется заполнение левой актантажной позиции аргументом. В этом проявляется одна из закономерностей, выявляемых на основе валентного анализа лексем, названная взаимной обязательной сочетаемостью. Считается, что "сочетаемость подлежащего и сказуемого обязательна в обоих направлениях - от подлежащего к сказуемому и обратно..."²²

Все глаголы движения, как правило, реализуют свое значение в синтаксической модели "субъект - действие, выраженное глаголом движения". Данная синтаксическая модель может распространяться при реализации синтаксической валентности предиката различными, дополнительными, обстоятельственными, определенными, уточнителями действия. В бурятском и русском языках наиболее распространенным средством выражения субъекта при предикате, выраженном полнозначным глаголом, например глаголом движения, является синтаксическая функция именительного падежа существительных и местоимений. В позиции субъекта выступают одушевленные и неодушевленные существительные и местоимения, называющие лица и предметы. В то же время дополнительной синтаксической функцией субъекта при выделении его среди других аргументов в сопоставляемых языках является функция темы: шубууд баран ниидэжэ арилшаба - птицы все улетели; мүнөөдэр бригадир манайда ерэхэ - сегодня к нам придет бригадир.

Глаголы движения в бурятском языке могут входить в соединение с существительными в совместном падеже обычно с притяжением и послеложными конструкциями (послелог хамта), обозначающими совместно совершаемое с кем-либо движение. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом с и сочетанием вместе с:

хубуун нухэртэйшнн ерэхэ - сын с твоим другом придут; эсэгэ-тээ хамта город оробо - вместе с отцом поехали в город; тэдэнээр (или тэдэнтэй) хамта ошохомнай - идем вместе с ними.

Реализуя содержательную валентность, глаголы движения бурятского языка вступают в синтаксические связи с лексемами и послеложными конструкциями с объектным значением, имеющими разнообразные соответствия в русском языке. При обозначении объектных отношений глаголами движения совместно с существительными и послеложными конструкциями выделяются следующие основные значения:

4.1. Самую распространенную группу составляют различные объектные с оттенками пространственных значений. Образуются они путем сочетаний глаголов движения:

а) с послеложными конструкциями (послелогн: ходоро, отолон, хундэлэн), выражающими предметно-пространственное значение: харгы отолон гараха - перебежать дорогу; поли ходоро гараха - перейти поле.

В русском языке эти значения передаются переходными приставочными глаголами движения в сочетании с существительными в винительном падеже с предметно-пространственным значением. В обоих языках такие сочетания называют движение и предмет, с которым так или иначе связано это движение или который преодолевается соответствующим движением: гол тамаржа гараха - переплыть реку; харгы хундэлэн мулхижэ гараха - переползти дорогу; бухы Сибирээр ябажа гараха - проехать всю Сибирь;

б) с существительными в исходном падеже или с послеложными конструкциями (послелогн: холо, саашаа), называющими лицо или предмет, к удалению или освобождению от которого приводит данное движение. В русском языке это значение передается сочетанием глагола движения с существительными в родительном падеже с предлогом от. Сочетания этого типа и в бурятском, и в русском языках совмещают в себе название действия и лица или предмета, от которого как от исходного пункта производится данное движение: стольоо холо болохо - отойти от стола; городноо гараха ошохо - отъехать от города; үүдэньээ холо болохо - отойти от двери; станциһаа саашаа ябаха - отъехать от станции;

в) с существительными в дательном падеже и послеложными конструкциями (послелог тээшэ), обозначающими предмет, к которому кто-либо или что-либо приближается. В русском языке соот-

ветствуют этим бурятским сочетаниям приставочные глаголы движения с существительными в дательном падеже с предлогом к: ну-хэртөө ошохо - идти к товарищу; стол тээшэ ошохо - подойти к столу; гэртэ хутэлжэ асарха - привести к дому; үүдэндэ ойро болохо - подойти к двери; мурэн тээшэ ошоо - пошел к реке;

г) с послеложными конструкциями (послелог тээшэ), называющими предмет, являющийся местом или объектом (либо лицом, являющимся объектом), к которому это действие направлено. В русском языке передаются сочетанием глаголов движения с именами существительными в дательном падеже с предлогом к: эрье тээшэ тамарха - плыть к берегу; станции тээшэ ошохо - двигаться (идти) к станции; город тээшэ ябахэ - ехать к городу; гэр тээшэ ябахэ - идти к дому; Москва тээшэ ниидэхэ - лететь в сторону Москвы.

4.2. Сочетания глаголов движения со значением объектных отношений могут приобретать оттенок значения целевых отношений. Значения объектных и целевых отношений или целенаправленности действия совмещаются при сочетании бурятских глаголов движения:

а) с существительными в форме дательного падежа, соответствующего русскому сочетанию глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом за: уянда ошохо - пойти за водой; хубуүндээ гүйн ошоод ерэхэ - сбегать за сыном;

б) с существительными в дательном падеже и послеложными конструкциями (послелог хойноою), называющими предмет как объект движения, соответствующих русским сочетаниям глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом за: врачта эльгээхэ - послать за врачом; поездын хойноою гүйхэ - бежать за поездом; тэрэнэй хойноою уддөө - погнался за ним.

4.3. Реализуя объектную валентность, бурятские глаголы движения могут входить в сочетания с существительными с отрицательной частицей гүй, обозначающими предмет, без которого движение совершается, отсутствием которого оно характеризуется: пальтогүй арилха - уйти без пальто. В таких сочетаниях значение объектных отношений может соединяться со значением определительно-обстоятельственных отношений: уянгүй ерээ - приехал без воды; үдэшын эдеэгүй ябахэ - уехать без ужина; таягагүй ябахэ - ходить без костылей. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в родительном падеже с предлогом без.

4.4. Иногда бурятские глаголы движения сочетаются с именами существительными в дательном падеже, которые так или иначе поясняют действие, уточняют сообщение. Если зависимое имя существительное называет предмет, то все сочетание выражает объектные отношения: тээбэритэй ябана - едет с возом; автоматтай ябаа - шел с автоматом. В русском языке соответствующее значение передается сочетанием глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом с.

В коммуникативном употреблении бурятские глаголы движения могут в сочетании с существительными и послеложными конструкциями выражать определительно-обстоятельственные отношения. Имена существительные и послеложные конструкции обозначают в них способ совершения действия, называемого глаголом.

5.1. Имя существительное при глаголе движения может обозначать способ совершения действия, выступая для выражения сравнения. Такие сочетания по значению соотносительны с послеложными сравнительными конструкциями (послелог шэнги). Данные значения соответствуют в русском языке сочетаниям глаголов движения с беспредложными существительными в творительном падеже и соотносительными сравнительными оборотами с союзами как, словно, точно: мурэнидли урдана - течет рекой; мурэн шэнги урдана - течет, как река; годлиндли хиидэхэ - лететь стрелой; годли шэнги хиидэхэ - лететь, как стрела.

5.2. Способ совершения движения может быть охарактеризован с количественной стороны и выражен сочетанием числительного с зависимым существительным в именительном падеже. В русском языке соответствует данному значению бурятского сочетания при глаголе движения сочетание количественного наречия с существительным в родительном падеже множественного числа: олон зон ябана - идет много народу (идет толпа людей); һурэг үнеэд ябаад гараа - прошло стадо коров.

5.3. Если в сочетании с глаголом движения входит отвлеченное существительное, то такое сочетание выражает определительно-обстоятельственные отношения, называя действие и характер его протекания: һанаангүй арилха - уйти без сожаления.

5.4. Лексически ограничены сочетания глаголов движения с именами существительными - названиями одежды, предметов убранства: юбка кофтоор ябадаг - ходит в юбке и кофте; пальтогоор гараа - вышел в пальто; сабхяар ябаха - ходить в сапогах; ка-

лошоор, шляпаар орохо - войти в калошах, в шляпе.

5.5. Так как любое действие может быть охарактеризовано с качественной стороны, то глаголы движения могут входить в сочетания с качественными наречиями. Такие сочетания тоже выражают определительно-обстоятельственные отношения, называя действие и его качественный признак: ааляр тамараа - плыли медленно; шууяатайгаар гуйгээ - бежали шумно; доогуур нийдээ - летел низко; тургөөр ябах - идти быстро; шуумгай ябах - ехать скорее.

5.6. Определительно-обстоятельственные отношения выражают также сочетания глаголов движения с количественными наречиями, характеризующими движение с точки зрения количественной (интенсивности, длительности, повторяемости, степени): ходо ябах - часто ездить; ехээр абаашах - носить помногу.

5.7. Часто сочетаются с глаголами движения количественные наречия типа хоууландаа - вдвоем, гурбууландаа - втроем, а также хошоодоо - по двое, гурбаадаар - по трое, которые вносят в сочетание оттенок значения способа действия: гурбууландаа ябах - идти втроем; хошоодоо гуйхэ - бежать по двое.

6.1. Валентные связи глаголов движения распространяются и на образование ими целевых отношений. Причем значение целевых отношений редко выступает в чистом виде: оно соединяется со значением пространственных и объектных отношений: золголгодо ерэхэ - прийти на свидание; амаралтада ошохо - поехать на отдых.

В приведенных примерах бурятские глаголы движения соединяются с отвлеченными существительными в форме дательного падежа цели, в русском языке им соответствует сочетание глаголов движения с отвлеченными существительными в форме винительного падежа с предлогом на.

6.2. В некоторых сочетаниях глаголов движения значение объектных отношений может приобретать оттенок значения целевых отношений: уянда ошохо - пойти за водой; хубуундээ гуйн ошоод ерэхэ - сбегать за сыном.

Зависимому бурятскому существительному в форме дательного падежа соответствует в русском языке существительное в творительном падеже с предлогом за.

6.3. Для выражения целевых отношений в бурятском языке специально используются сочетания глаголов движения с целевыми деепричастиями, которые можно разделить на две группы: I) со-

четания глаголов движения с субъектным деепричастием и 2) сочетания глаголов движения с объектным деепричастием. В русском языке широко распространено выражение соответствующих целевых отношений при соединении: 1) глаголов движения с субъектным инфинитивом и 2) глаголов движения с объектным инфинитивом.

1. В сопоставляемых языках при сочетании глаголов движения с субъектным деепричастием (в бурятском языке) и субъектным инфинитивом (в русском языке) образуются целевые отношения одного действия к другому. Целевое деепричастие в бурятском и инфинитив в русском языках обозначают в таких сочетаниях действие как цель движения:

Әдеэлхэез ошоо, обедлэхэез ошоо - пошел обедать.

гурахаяа ерээ - пришел учиться.

Харахаяа ошоо Һэн - ездил осматривать.

Хахасахаяа ошобо (ерэбэ) - идет проститься.

Амидхаяа ниидэбэ - летит подышать.

Хоргодохоео гуйгээ - побежал прятаться.

Хөөрэхэез ерээ - пришел рассказывать.

Худалдахаяа ябаа Һэн - ехали продавать.

Хахалхаяа гараа Һэн - выехали пахать.

Мэдэхэез ошоо - поехал узнать.

Угаалдахаяа гараа - вышел умываться.

2. При сочетании с объектным деепричастием в бурятском языке и объектным инфинитивом в русском языке глагол обозначает движение, цель которого - вызвать со стороны другого лица совершение действия, названного деепричастием и инфинитивом, или движение, имеющее целью вызвать то действие, которое названо деепричастием и инфинитивом:

Танилсуулхьнь зөөнэ - возят представить.

Шэнээр тахалхьнь асараа - привели перековывать.

Харахьнь асараа - привел смотреть.

Унтахьнь абаашаа - отвела спать.

Специфика лексико-семантических особенностей образных глаголов движения, заключающаяся в характеристике атрибутивных, зрительно воспринимаемых признаков предмета, определяет и их валентностные синтаксические связи. Предмет, совершающий движение, характеризуется образным глаголом с точки зрения различных его качественных признаков. Поскольку образные глаголы движения употребляются при описании человека, животных и

явлений окружающей природы, мира, то в качестве субъекта при них употребляются имена существительные и местоимения, их обозначающие. В позиции субъекта при образных глаголах движения выступают существительные и местоимения, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы. Синтаксическое распространение валентных связей образных глаголов движения возможно существительными в орудном падеже, обозначающими орудие совершения того или иного движения: гараараа арбаганаха - размахивать руками; һуулээрээ оодогонохо - махать коротеньким хвостом.

Часть образных глаголов движения может недифференцированно соединяться с субъектом, обозначающим и человека, и животных: тажаганаха - бегать, носиться взад и вперед (только о ком-либо с большим животом); хуниганаха - 1) суетиться, сновать (о ком-либо с маленькими ушами); 2) перен. - кокетничать, жеманиться; зантаганаха - 1) двигаться, покачивая большой головой. 2) перен. - грубо шутить.

Употребление образных глаголов движения обусловлено восприятием действительности, поэтому на первый план выступает их функция характеристики качественных признаков предмета, связанная с различными ощущениями человека. Образные глаголы движения в основном используются для описания кого-либо или чего-либо, характеризуя определенные признаки предмета, субъекта. Атрибутивные признаки субъекта, производящего движение, имплицитно выражены самим образным глаголом движения: глагол балтаганаха характеризует движения толстого, неуклюжего человека, глагол һартаганаха обозначает быстрые движения человека, глагол тангаршааха - бег животных в беспокойном состоянии. Многие образные глаголы движения бурятского языка недифференцированно могут быть использованы как для характеристики действий человека, так животных и явлений окружающего мира. Глагол унжаганаха может обозначать движения долгового, высокого человека или длинных предметов, һабиганаха - движения (трепет, дрожь) человека или животного. В таких случаях для различения необходимо обращение к контексту.

Анализ содержательной валентности глаголов движения на основе их семантико-синтаксического распространения при выражении пространственных, темпоральных, целевых, определительно-обстоятельственных, обстоятельственных, субъектно-объектных

отношений послеложными конструкциями в бурятском языке, предложными сочетаниями в русском языке, глагольными формами (целевыми деепричастиями. - в бурятском и инфинитивом - в русском языках) и наречиями в обоих языках позволяет сделать выводы, представляющие интерес как фрагмент проблемы сопоставительного изучения грамматического строя разноструктурных языков. При едином подходе к выявлению содержательной валентности, выраженной в сочетаниях с тождественной синтаксической семантикой, обнаруживаются расхождения в грамматических средствах оформления валентных связей бурятских и русских глаголов движения.

Типологические особенности языка наглядно, зримо предстают при сопоставлении синтаксических категорий, в частности валентности глаголов движения. "В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка"²³.

Основные расхождения сводятся к постпозиционному и препозиционному характеру синтаксического оформления валентности анализируемых глаголов движения агглютинативного бурятского и флективного русского языков. При реализации валентности глаголы движения обоих языков вступают в соединение с одними и теми же частями речи: существительными, глаголами, наречиями. Однако лексемы, выступающие в роли актантов, занимают разные морфолого-синтаксические позиции по отношению к глаголам движения. Анализ материала выявил левоактантные валентные связи глаголов движения в бурятском языке и правоактантные валентные связи в русском языке в образуемых ими сочетаниях. (Речь идет только о сочетаниях). В обоих языках содержательная валентность характеризуется синтаксическими отношениями зависимости существительных от глаголов движения. Связь осуществляется в бурятском языке с помощью послелогов и аффиксов, в русском - предлогов и флексий. Любое положение в обоих языках может занимать только актант, выступающий в качестве субъекта движения, преимущественно располагаясь слева от глагола.

Характер оформления синтаксической валентности в большой степени обусловлен лексико-семантическим значением лексем. Глаголы движения бурятского языка, в семантике которых содержится указание на направленность (ошохо - ерэхэ, орохо - гараха) при уточнении места (помещения, названия местности, работы или занятия) синтаксически распространяются существительными без уча-

ствия послелогов. Соответствующие значения в русском языке передаются сочетанием глаголов движения с предложными существительными: нургуулида ошохо - идти в школу, худэлмэрийөөн ябах - идти с работы, мурэндэ ошохо - идти на реку. Даже в тех случаях, когда направленность русских глаголов движения содержится в лексическом значении глагола, оформляясь морфологически с помощью префиксов, их валентность реализуется с участием предлогов, повторяющих указание на направление еще и синтаксическим средством: войти в дом - гэртэ орохо, прийти с работы - худэлмэрийөөн ерэхэ, выйти из дома - гэртэьээн гараха, поехать в Сибирь - Сибирь ошохо. Примеры показывают, что некоторые сочетания с существительными при глаголах движения в русском языке не всегда соответствуют послеложным конструкциям с глаголами движения в бурятском языке.

Все значения русских предлогов имеют соответствующие эквивалентные послелого в бурятском языке. Но синтаксическое функционирование послелогов и предлогов во многом различается, поэтому некоторые беспослеложные бурятские сочетания с глаголами движения соответствуют в русском языке предложным сочетаниям с глаголами движения. Даже в сочетаниях с бурятскими послелогом, значение которых передается на русский язык соответствующими предлогами, билингвам бывает трудно установить параллельные функциональные соотношения между послелогом и предлогом и синтаксически безошибочно выразить свою мысль. Русские предлоги, употребленные для выражения различных отношений, явно имеющие адекватное выражение в бурятском языке определенными послелогом с соответствующими значениями, не ощущаются ими в таких случаях по иной причине. Постпозиционный порядок расположения послелогов в бурятском языке в отличие от препозиционного расположения предлогов в бурятском языке накладывает свой отпечаток на интонационное произношение бурятских и русских сочетаний и отражается при грамматическом оформлении фразы билингвами. В послеложных конструкциях интонационно выделяются повышением тона употребляемые с послелогом лексемы, а послелог произносится с понижением тона, ослабленно, поэтому в произношении сливается со словом. В русском языке предлог, расположенный в препозиции с употребляемым словом, произносится на одном интонационном уровне с ним, поэтому носителем агглютинативного языка не ощущается как имеющий соответствие послелогоу.

С этим связаны интерферентные явления при употреблении предлогов в русском языке билингвами.

Как считает Р.А. Будагов, "природа синтаксиса обуславливает необходимость функционального к нему подхода"²⁴. Синтаксические функции морфологических категорий с послелогоми и предлогами исключительно многообразны и располагают важнейшими синтаксическими значениями. Они несут определенную семантическую нагрузку, уточняя лексическое значение глаголов движения в образуемых ими синтаксических конструкциях. Их служебная функция состоит в употреблении для выражения различных отношений и синтаксической корректировки фразы.

Функционирование падежей бурятских и русских существительных, образующих модели синтаксических связей глаголов движения обоих языков, во многом различается. Значения падежей при передаче одних и тех же синтаксических отношений, формируемых на основе валентности, не совпадают. В сочетании мини урда гуйжэ гараа - выбежал передо мной - послелог урда управляет местоимением в родительном падеже. В русском языке это же значение передано местоимением в творительном падеже. При наличии некоторых общих падежей (именительный, родительный, дательный, винительный) в бурятском и русском языках отмечаются различия их синтаксического функционирования при передаче одних и тех же содержательных категорий. Кроме того, в бурятском языке имеются орудный, совместный, исходный падежи, в формах которых отмечается синтаксическое распространение глаголов движения, в русском языке они передаются в основном формами творительного, родительного, предложного падежей.

Интересно отметить характер оформления синтаксической зависимости послеложных и предложных сочетаний от глаголов движения. Как показывает приведенный материал, послелоги бурятского языка в сочетаниях в основном употребляются с существительными в форме основы, часто - в форме родительного падежа, иногда - в формах исходного и дательного падежей. Предлоги же русского языка обязательно управляют существительными в косвенных падежах, имеющих формальное выражение в виде флексий. Значит, связь в сочетаниях глаголов движения с послеложными конструкциями в бурятском языке осуществляется в основном только с помощью послелогов, иногда - одновременно с помощью послелогов и падежных аффиксов, в русском языке связь оформляется в предложных

сочетаниях всегда с помощью предлогов и флексий одновременно.

Сопоставительный анализ синтаксико-морфологической реализации логико-семантических позиций актантов, регулируемых синтаксической валентностью, у эквивалентных в смысловом отношении глаголов движения бурятского и русского языков имеет плодотворное значение не только для теоретического сопоставления, но прежде всего для нужд практического преподавания и изучения. Последовательное разграничение валентных типов лексем могло бы способствовать объективизации лексикографической практики.

¹ См.: Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). - М.: МГПИ ИЯ им. М. Горького, 1973. - 110 с.

² См.: Кибардина С.М. Основы теории валентности: лекции по сравнительной типологии немецкого и русского языков. - Вологда, 1979. - 65 с.

³ См.: Филичева Н.И. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов // Вопросы языкознания. - 1967. - № 2. - С. 118 - 125.

⁴ См.: Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // Языковая структура. - М., 1963. - Разд. 8. - С. 131 - 143.

⁵ См.: Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. - М.: Просвещение, 1983. - 240 с.

⁶ См.: Лебедева М.Н. Синтаксическая сочетаемость глаголов. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - 89 с.

⁷ См.: Дорофеева Т.М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. - М., 1986. - 104 с.

⁸ См.: Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. - 1987. - № 6. - С. 52 - 64.

⁹ Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 4.

¹⁰ Степанова М.Д. О "внешней" и "внутренней" валентности слова // Иностранный язык в школе. - 1967. - № 3. - С. 13.

¹¹ Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 10.

¹² Цит.: Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 11.

¹³ Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 21.

¹⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч. - С. 133 - 134.

- 15 См.: Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 140 с.
- 16 Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 20.
- 17 См.: Кибардина С.М. Указ. соч.
- 18 Харташкина Р.Х. Глаголы движения в русском и монгольском языках // Тр. Иркутского гос. ун-та. - Сер. языкознание. - Иркутск, 1965. - Т. 36. - Вып. 2. - С. 157.
- 19 См.: Дмитриев Н.К. Глаголы движения // Строй тюркских языков. - М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. - С. 590 - 598.
- 20 Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 38.
- 21 Там же. - С. 36.
- 22 Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // Вопросы языкознания. - 1958. - № 1. - С. 112.
- 23 Грамматика русского языка. - Т. 2. Синтаксис. - Ч. I. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. II.
- 24 Будагов Р.А. К теории синтаксических отношений // Человек и его язык. - М., 1974. - С. 84.

Принятое сокращение

Цыд. - Цыдендамбаев Ч. Банзарай хубуун Доржо. - Улан-Удэ, 1953.